

18+ Андрей Семке

ПриЧуды

Андрей Семке

ПриЧуды

«Издательские решения»

Семке А.

ПриЧуды / А. Семке — «Издательские решения»,

Эта книга написана в 2024 году. Она посвящена моей маме! Эта книга «Причуды» — не странное чудачество, прихоть или каприз, а нечто своеобразное, необычное, оригинальное, зашифрованное и полезное, наша история. Это рассказы о жизни, о темпе и ритме, об ароматах и энергиях, о добре и противоположностях, о тепле и смерти, о мыслях и полях, о любви и одиночестве, о вере и недоверии, обо мне и о мирном мире, о страхе и помощи, о живых и добрых. Эта книга о счастье.

© Семке А.

© Издательские решения

Содержание

Оглавление	6
Путешествие длиною в смерть	7
Конец ознакомительного фрагмента.	28

ПриЧуды

Андрей Семке

Фотограф Андрей Иванович Семке

© Андрей Семке, 2026

© Андрей Иванович Семке, фотографии, 2026

ISBN 978-5-0070-8780-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Оглавление

Причуды

Эта книга написана в 2024 году. Она посвящена моей маме!

С одной стороны, я очень люблю жизнь: это такая прекрасная возможность осознавать всё, что происходит рядом, исследовать пространство и время, насыщаться новыми эмоциями, встречами, общением, изучать людей... С другой стороны, я не хочу и не могу жить, потому что этот мир забирает лучшее: детей, друзей, родителей, веру в настоящее и будущее, нагнетает отрицательную энергию и неверие, становится олицетворением зла и насилия...

Вы сейчас разговариваете с человеком, которого можно назвать оптимистичным пессимистом или пессимистическим оптимистом, полуавтором рассказов о тех, кто живёт рядом с нами и кто дарит неоднозначные мотивы жизневосприятия. Почему полуавтором? Потому что эти истории мною просто записаны, а их авторами являются реальные люди.

Все рассказы настоящие, происходили не в метапланетной среде, вакууме и пятнадцатом измерении, а здесь, на Земле, рядом, в трёхмерном пространстве и нашем времени. Эта книга «Причуды» — не странное чудачество, прихоть или каприз, а нечто своеобразное, необычное, оригинальное, зашифрованное и полезное, наша история. Это рассказы о жизни, о темпе и ритме, об ароматах и энергиях, о добре и противоположностях, о тепле и смерти, о мыслях и полях, о любви и одиночестве, о вере и недоверии, обо мне и о мирном мире, о страхе и помощи, о живых и добрых. Я счастлив, что живу, я счастлив, что живу в это время, я счастлив, что живу в России, я счастлив, что меня окружают замечательные люди! Эта книга о счастье.

Путешествие длиною в смерть

Путешествие из Владивостока на Байкал

День первый. Начало. Будильник. 3 часа 40 минут. Поставил варить на плиту молодую картошку и яйца. Коты чувствуют. У меня их два: Виля и Филя. Заправил кровать, сделал два глотка чая. Собрал всю провизию в пакет. Прошёл по дому, полил цветы. Пора. Зашёл к Василию, он укутался под одеялом. Всё. Вот теперь точно пора. До отправления автобуса оставалось 30 минут. На улице необычно прохладно, над лиманом начинаются всполохи первых лучей солнца. Апельсиново-абрикосовый с нотками алой гвоздики рассвет, в небе пышногрудая луна. Чемодан катится по асфальту, отстукивая дробь. Под жердёлами (так на Кубани называют дикий абрикос: он мельче обычного, и косточка у него горькая) жёлтые пятна от перезревших ягод. Тишина, город спит. Автовокзал пуст, три бабульки сидят на разных лавочках и курят. Утро становится от дыма туманным. Чудовищный запах табака пронизывает всю атмосферу. Посадка. Бросил чемодан в багажный отсек. Автобус наполовину пуст. Проверили билет, который я купил ранее. Поехали.

Солнце всё выше и выше. Поля уже скошены, урожай озимых в этом году будет приличным, их начинают дисковать, и желто-молочные дали постепенно становятся грязно-серыми. Радует зацветающий подсолнечник, который олицетворяет нашу короткую жизнь. Яркий утренний свежий свет заливает жёлто-оперившиеся поля. Цветы солнца только распускают своё ожерелье и, как птенцы, тыкаются в небесную высь в поисках своего отражения. Красота! Бежим за солнцем, радуемся каждому дню, но вечность превращается в миг.

Пост ГАИ. Знак «Стоп». Как удаётся в нашей стране из малого сделать большое? Деревянная тренога уложена гигантскими булыжниками. Это чтобы знак не упал. Чудовищно милая картина. Вокруг аккуратно обрезанные деревья, ухоженные клумбы с какими-то яркими цветами и эта инсталляция из каменного убогого века.

Приехали в Староминскую. Когда-то здесь существовал колхоз-миллионер, который содержал мотобольную команду. Стадион до сих пор находится в центре станицы, правда, в каком-то запустении, разруха царит везде. Бабульки на привокзальной площади продают смородину. В этом году её уродилось море и ещё небольшой океан. Ветки до земли прогнулись от тяжести. Местные бомбилы загнули цену на такси. Ехать до ЖД вокзала 10 минут. Автобусы начинают ходить только с 7 утра. Сейчас только шесть. Солнце ещё не палит, но согревает хорошо. Водитель попался угрюмый, но о местных урожаях рассказал всё. Похвастался абрикосами и виноградом, сетовал на яблоки и засуху. Больше трёх месяцев не было хорошего дождя. Жду поезда. Голубки и воробьи разделяют тишину. Перрон пуст. Я и две собаки. Раздражают переполненные мусорные урны и грязь от окурков. Кажется, что они заполонили всё имеющееся пространство.

Откуда-то издали птичий гомон разбудил вокзал. Сначала негромко, а потом вызывающе шумный детский говор затмил и пение птиц, и треск электрических проводов. На перрон ввалился детский коллектив «Золотой колосок» в чёрных футболках с эмблемами. На тёмном фоне рисовались имена танцоров: Каролёк, Варечка, Данила, Любаша, а рядом мамочки с мобильниками. Фотографируют своих чад с чемоданами, с бутербродами, с мармеладками, как они крутят фуэте, как сидят, как едят... Не понять, от кого больше шума: от детишек или от родителей? Птичек уже не слышно. Гвалт затмевают лишь пролетающие мимо поезда.

«Мы ребята просто класс, на Кубани знают нас... что-то... трата-та-та, мы всегда под напряжением...». Речёвка эхом трубила во всех тысячевольтных проводах.

Пришла Ласточка на Новороссийск, и полсотни ребяташек за минуту вонзились в вагоны. И снова воцарилась тишина. Вновь запели птицы. Перрон оживился лишь с приходом моего поезда. 14-й вагон, нумерация с головы, 51-е место, боковое, но есть своё преимуще-

ство. Во-первых, близко к выходу. Во-вторых, рядом с кипятком. И самый большой плюс — одно обзорное окно, почти панорамное. Соседи неразговорчивые, закрылись от внешнего мира простынями и тряпками. Это к лучшему.

Едем! В вагоне плюс 24, за окном гораздо больше. Пересыхающие плавни чередуются с полями кукурузы и рапса. По обочинам — заросли амброзии, которые зелёным ковром устилают округу, не давая другой растительности ни малейшего шанса. До Ростова рукой подать, потом Воронеж, Липецк, а завтра новая станция — Восточная в Москве. Едем.

Как здорово, что какой-то гений запретил употреблять спиртное и курить в вагоне! Это какое-то маленькое счастье! Вспоминаю девяностые, когда шныряли вдоль поезда дельцы, продавая суррогат ящиками, а потом — кошмар от быдло-пьяных соседей, которые упивались зелёной гадостью и творили страшное. Но это в прошлом. Сейчас сухая белоснежная простыня, мягкий поролоновый матрас и нормальный воздух, без запаха амбре и никотина. Чистый новый вагон, правда, шторы проводники поснимали, видимо, новшество не прижилось. Есть большая проблема! Когда поезд останавливается, кондиционер отключается, и в вагоне температура быстро увеличивается, порой превышая уличную. Так что русские бани никто не отмечал. Паримся!

По вагону потянуло знакомым запахом лапши быстрого приготовления, в простонародье — «бич-пакетами». Начался первый завтрак. Хочется спать, но нужно ломать режим. Передвижка с часовыми поясами существенная, и надо постепенно перестраиваться, всё поломать, меняя день на ночь.

Что можно делать в поезде? Правильно: есть и спать, спать и есть. Пришло время обеда, мимо проплыл вокзал Новочеркаска. Достая кульки, на стол стелю салфетку, а на неё — утром сваренную молодую картошечку, яичко, помидоры и огурчики, которые ещё вчера росли на грядке, петрушку, сырок, колбаску, завариваю чаёк. Вкусно, и сытно, и быстро, и без дополнительных затрат. Забыл упомянуть соль. Без неё и обед не обед. Едем дальше.

Вот вы скажете: «Соль — белая смерть!». Соглашусь. Ем соли очень мало. Но в дороге, когда на молоденькую отварную картошечку чуть-чуть сверху соли насыпать, да со свежим огурчиком, который всеми своими пупырышками просится в рот, а потом помидорчик, от которого аромат такой, что весь вагон облизывается, потому что он с грядки, солнцем воспитанный, росой умытый, земелькой упитанный... А вы говорите: «Соль»! Без неё много не съешь. Главное — знать меру. Едем! Провода, словно сети, тянутся, расходятся, путаются, завязываются узлами, распространяются во все стороны, окутывают голубое небо, будто ловят белоснежные облака. Нескончаемые и гигантские, уходят в далёкую даль, за туманный горизонт, где пушистые снежные стаи лошадок столпились и ждут своей очереди.

Остановка. Станция. Перрон узкий, едва могут разминуться два человека, но снуют торговки: «Молодая варёная картошка, малосольные огурцы, котлетки. Этот питерский поезд совсем зажрался, ничего не берут», — как-то вскользь на ходу бросает одна торгашка другой. И все курят так, что паровозы начала века отдыхают. Солнце уже не ластится, а жарит что есть мочи. Видно, как на дороге плавится асфальт, а от локомотива пышет огнём и мощностью. «Раки, жареная икра, варёная кукуруза, сладкая ягода...», — вновь, лавируя между пассажирами, бежит торговец с пластиковой сумкой. Интересно бы увидеть, в каких чанах варится кукуруза и раки и как готовятся котлеты и икра? Только начинаешь думать об этом, и пузо воротит. С верхних полок постепенно спускается молодёжь, переспавшая и опухшая. Вот так вагон плавно испытывает на себе запах второго завтрака. За окном плюс 35. Мелькают небольшие посёлки, овраги и тянутся бескрайние, бесконечные степи, обожжённые и потерянные, словно брошенная собака: никому не нужная, исхудавшая и озлобленная. Небо заволокло тучами — свинцовыми, низкими, пугающими своей тяжестью и близостью. Едем...

После обеда в поезде наступает ужин. Отличительная особенность этого принятия пищи заключается в том, что оно проходит позже: доедается всё, что может завтра испортиться, в

остальном всё традиционно. Уже не свежая, но всё ещё молодая варёная картошка, сырокопчёная колбаса, сырок, всё ещё вчера только сорванные помидоры, огурчики и перец. На второе — чай с конфеткой «Амаретто». После сытного и полезного времяпрепровождения клонит ко сну. И это хорошо.

Уснуť невозможно: у детворы открылось второе дыхание, и вот уже два часа весь вагон стоит на ушах. Кто-то малышню поддерживает, есть и те, кто злится и ругает. Но ребятам от этого нисколько не плохо, они веселятся, у них беззаботное, радостное время жизни. Мой план с акклиматизацией и привыканием ко времени Владивостока провалился. Ну что ж, значит, будет другой план.

Наступила тёмная, долгожданная ночь. Дети нашли холодную воду и утомонились. Может, и моему мозгу пора отдохнуть?

Второй день. 6 утра. На станции Узловая вышло почти полвагона пассажиров. Покинули поезд тихо, практически незаметно. А вот двое вошедших прощались так, что взбаламутили весь вагон. Утро. Умылся. Позавтракал. Пью чай. Сегодня сложный день. Всё нужно делать быстро и оперативно.

Ландшафты изменились кардинально. Зелень яркая, насыщенная, иван-чай цветёт фиолетовыми островами, как отражение в воде неба. Огромные зонтики борщевика, как оловянные солдатики, приветствуют проходящие поезда. На зелёном ковре природа выткала жёлтые, белые, фиолетовые, синие рисунки. Всё многоцветие оттенков присутствует на этом полотне: бирюзовые, васильковые, нежно-розовые, фиалковые, ромашковые, алые-алые, постельные, голубовато-снежные, солнечные и оранжево-волшебные. Березовые рощи манят своей чистотой, негой и стройностью.

«Безоблачное небо» — это устоявшееся словосочетание можно часто услышать. Сегодня оно именно такое: голубое, куполом опоясавшее округу и переходящее в светлые оттенки к горизонту. Кто бы мог подумать, что обыкновенные молекулы воздуха так интенсивно рассеивают свет, умиротворяя наше земное пространство.

Приходят СМС от сотового оператора: «Добро пожаловать в Воронежскую область! Здесь стоит посмотреть пещерные храмы и попробовать окрошку на белом квасе, покататься по барханам местной пустыни или на лошадях одного из старейших конных заводов России». А для меня Воронежская область — это мои товарищи Тихонова Наталья и Рома Наливкин. Прекрасные друзья и профессиональные учителя. А ещё это океанариум и театр, памятник Высоцкому и улица Лизюкова, золотая осень и места строительства Петром Великим российского флота.

А далее... «Добро пожаловать в Липецкую область! Здесь находится та самая Кудыкина гора с огнедышащим Змеем Горынычем, угощают донским ершом и императорской водой». А в голове — Лёша Овчинников и Алла Волкова, прекрасные коллеги, Учителя года.

Были мы и на Кудыкиной горе, и в самом маленьком заповеднике России, посещали фазанарии и охотуголья, в которых воссоздают стада оленей. А ещё здесь море огурцов и океан земляники!

А мы уже приветствуем Тульскую область! Знаете, сколько весит памятник Тульскому прянику, зачем были нужны древние мегалиты и на что посмотреть в Ясной Поляне? Советую посетить музей оружия и прогуляться по Тульскому кремлю, сходить в музей самовара и отведать белёвскую пастилу. А в моём мире Тульская земля — это семьи Бабкиных и Зюзиных, а ещё традиционные педагогические фестивали!

Проезжаем станцию Ожерелье, один из пассажиров пошутил: «Видимо, здесь все ожирели». Как вам шутка?

На небе маленькая родинка в виде половинки пуговички — это белёлая луна, которая вместе с нами движется, оберегая нас и растворяя солнечный свет, как волшебник-иллюзионист, из тьмы создающий фантастическую картинку.

Странное ощущение от этой обстановки. Большая красивая водонапорная башня украшает площадь, видимо, построенная в начале прошлого века, а может, и ещё раньше, а вокруг разбитые ларьки и магазинчики с импортными названиями: «Бистро», «Авокадо». Запах затхлости и запущенности. И в душе какая-то опустошённость... Разбитый перрон, грязь, заросли бурьяна и мусор — всё это не увязывается со статью и великолепием архитектурного строения.

Ещё больший удар получил от увиденной картины в вагоне-ресторане. Развалившийся на диване то ли официант, то ли повар огромных размеров с вальяжным видом выслушивал стоящих перед ним бабушку с маленькой девочкой, которые пытались ему объяснить, что хотели бы отведать на завтрак. Жалкий, умоляющий вид посетителей против эгоистичного, холёного вида работника. «Каждая кухарка будет править миром», — было сказано после революции в прошлом веке. Свершилось.

Севший в поезд в Воронеже пассажир тридцать третий раз рассказывает о том, что его привёз таксист не на тот вокзал. И тридцать третий раз он удивлённо делает для себя открытие, что в городе-герое Воронеже два железнодорожных вокзала. Вот такие наблюдения.

«Добро пожаловать в столичный регион! Ответьте на три простых вопроса, и мы расскажем, чем вас может удивить Московский регион: секретные локации, необычные развлечения и примечательные рестораны», — вновь прорезается информация на экране сотового телефона.

Москва. Еле выбрался с вокзала Восточный. На улице жарко, с такси быстро не получилось. Заказал через приложение и на удачу нашёл попутчика. Так что по цене оказалось дешевле, чем самые лучшие прогнозы. Сергей из Татарстана.

Итак, Сергей оказался очень общительным парнем, и час с небольшим до Шереметьева мы проговорили. Он занят логистикой каучука и о том, как его производят и почему цена сильно зависит от урожая этого природного сырья в Южной Америке, знает всё. У него работы нынче много и на отдых времени практически нет. Но одну историю о своём отдыхе на черноморском пляже он мне поведал. Причём похожие события были и в моей жизни.

Предприятие оплатило Сергею и его супруге отель в шаговой доступности от моря, а питание такое, что на убой кормят хуже. Был и свой плюс: бассейн с подогревом и морской водой. Поплескались в нём и до моря в первый день не дошли. С утра жена завела музыкальную шарманку о необходимости посещения моря. Пошли. Она один раз нырнула, а вот вынырнула уже другим человеком. На её лице и на теле появились нефтяные пятна, красиво отражающиеся чернотой и всеми интерференционными цветами. Быстро в отель. Серёга отдирает супругу всеми возможными средствами, но углеводород так въелся в её кожу, что ни один дорогостоящий шампунь и супервысококласный гель не помогал. Так от неё разило, что все вокруг шарахались, а некоторая братва принимала за свою. Больше на море они не ходили вплоть до последнего дня. Когда пришли на берег, то на нём было столько людей, что было неудобно через тела перешагивать. Пара нашла небольшой клочок, только разделись и попытались загорать, как налетел такой смерч, что одежду, коврики и даже еду выбросило в море метров на пятьдесят. Еле-еле успел Серёга схватить вещи, шляпу жены, а полотенце было не вернуть. Вот такой запоминающийся отдых.

Серёга перевёл дыхание: «Теперь мы отдыхаем у себя на родине, спокойнее, и не нужно месяц от нефтепродуктов оттираться».

Так мы добрались до аэропорта. Таксист вдруг разошёлся, начал требовать двойную цену. Но ничего у него не вышло. А мы, попрощавшись, разошлись. Попасть в здание сегодня сложно. Нужно пройти досмотр. Пришлось всю технику выкладывать и включать. Не понравилась и моя кружка в виде объектива, которую подарили школьники в экспедиции. Долго крутил её в руках охранник, но сдался и мне её вернул. Полчаса заняла эта операция, а потом ещё сорок минут ушло на то, чтобы сдать багаж. И вот я на посадке. Ещё немного, и мы полетим. Народу море и маленькая тележка, у всех своя миссия, свой перелёт.

Да, забыл написать, что при очередной проверке я чуть не потерял ремень. Это была бы потеря потерь. Кожаный отличный ремень спасает меня от потери брюк.

Слоганы в аэропорту ещё те: привозите красивые закаты, вкусные традиции, немного моря. Хочется продолжить: симпатичных подруг, хорошие дороги, нормальных руководителей...

Полетели. Самолёт большой, три ряда, и название подходящее: «Анадырь». Ещё пара минут, и начнём взлетать. Небо сегодня фантастическое, облака все как на подбор одинакового размера, белые-белые и воздушные-воздушные. Они, словно малые дети, купаются в голубом чистейшем небесном океане, отражаясь в витринных окнах аэропорта Шереметьево. Это волшебство повсюду! Яркое солнце разрисовывает эту картину разными оттенками белого и голубого. Неповторимая гармония в штрихах и темпе. Непередаваемые ощущения лёгкости, воздушности, небесности и иллюзии присутствия. Хочется нырнуть и барахтаться с белоснежными овечками в чистейшем лазурном океане.

Пролетаем над Ярославлем. Скорость 880 км в час, высота 9000 метров. Впереди Киров. Общее расстояние 6400 км.

Летим. Спокойно. Выпили томатный сок, сытно пообедали. Не мог отказаться от красного куска филе трески и деревенской картошечки. То ли проголодался, то ли было очень вкусно, но вылизал всю импровизированную тарелку, и, поверьте, это сделал не один я. Сейчас бы чайку, да погорячее! Летим. Высота уже 10 500 метров, да и скорость побольше. Иллюминаторы прожигает солнце, слепит глаза до рези, невозможно смотреть... Летим. Позади Киров, впереди Сургут. Небо волнуется синевой и серебристой полночной белизной, бескрайние волны облаков накатывают и плавным гармоничным течением разбегаются к горизонту. Красота неимоверная.

Осталось 5 часов. Во Владивостоке глубокая ночь. Скоро будем встречать рассвет, мы несёмся от солнца к новому солнцу, обновлённому. Дико болит голова. И это главная проблема. Надеюсь, что пройдёт. В последнее время эти тупые удары по вискам стали реже, но интенсивнее. Как же я не люблю это поганое состояние, когда ни таблетки, ни что другое не помогает. Есть только одно — надежда, и она никогда не подводила. Боль обязательно пройдёт!

Можно ли за три часа увидеть закат и встретить рассвет? Оказывается, с авиакомпанией «Россия» всё по плечу. Кстати, они в этом году отмечают девяностолетие со дня основания. Прекрасный логотип разработали: петля в виде бесконечности, но с небольшим штрихом у первого круга, как взлёт самолёта. Хочу вновь и вновь отметить наших стюардесс: красивые, стройные, опрятные, и форма удачная. Не хочется вспоминать американских, но они ни в какое сравнение с нашими не идут. Тётки с базара и то краше. Летим! Какие у нас красивые люди! Вот сколько нас в этом летающем корабле? Триста или четыреста. Чуть меньше, немного больше — не суть. Приятно на пассажиров смотреть. Лица умные, красивые, одежда модная. И плюс алмазы — стюардессы. Летим! Позади Красноярск, впереди Байкал.

Рассвет! Это всегда чудо, буйство красок и эмоций, радость пробуждения и многоголосье атмосферы, неожиданные фейерверки и иллюзии присутствия. Как это красиво с борта самолёта — чарующие секунды нового дня! Несмотря на то, что по московскому времени 22 часа и где-то только готовятся ко сну, прилив адреналина однозначный. Должны были подать горячие напитки, но самолёт начало трясти. Кофе из-за турбулентности не налили. Ничего, выпьем на земле. А сейчас рассвет — необыкновенное чудо природы.

С борта самолёта это сказочное явление выглядит ещё величественнее и торжественнее. Малиновые цвета окаймляют весь горизонт, и яркие оттенки всех цветов от кирпичного до алого предваряют появление крошечного солнца. Первые лучи касаются облаков и переливами поднимаются куда-то в бескрайнюю высь, и всё окружение танцует то ли медленный фокстрот, то ли аргентинское танго, то ли бразильскую ламбаду. Это так наивно и прекрасно, будто все неги небесных богов смешались в многоголосье розово-пёстрых и оранжево-воздушных про-

туберанцев. И вот настоящий взрыв! Яркое круглое солнышко выпорхнуло из своего яйца и окутало всё пространство своим теплом и светом. Это так трогательно и восхитительно, что мурашки по всему телу и слёзы на глазах. Природа нас учит красоте и первозданности, умиротворяет и «интерферирует» наши эмоции.

Третий день моего путешествия настал, правда, второй ещё не закончился. Ох уж этот Альберт Эйнштейн со своей относительностью и Гейзенберг со своей неопределённостью.

Мы пролетели 6848 километров. Добро пожаловать в Приморский край!

«Здесь вы увидите одну из самых крупных крепостей России, сможете полюбоваться Стеклой бухтой, вантовыми мостами и маяками XIX века, попробовать борщ с морской капустой», — сообщает мне искусственный интеллект.

Вот мы и прилетели во Владивосток. Получил багаж — и — в электричку. Она, подобно аэроэкспрессу, довезёт нас до ж/д вокзала. А там... сопки все в белёсой дымке. Утро раннее, всё только просыпается.

День не прошёл, день пролетел. Ж/д вокзал в момент приезда был загадочно красив. Туман так облагораживал и разукрашивал локации, словно неизвестная фея ворожила. Сначала поднялись из тумана золотые купола храма, затем Золотой мост с его уходящими ввысь тросами, он словно был подвешен к небесам. Сам вокзал оказался архитектурным шедевром, построенным ещё цесаревичем. С железнодорожного вокзала я поднялся по улице Светланской к гостинице. Она оказалась в самом центре города.

Дальше кратко: прогулка по центру, посещение Нагорного парка, памятника основателю города, фото с Владимиром Высоцким и Александром Солженицыным, отведать местной наваги и салатик из фунчозы, пробежался по набережной и успел на морскую прогулку по бухте и к острову Русский.

На обратном пути зашёл в морской военный музей и был очарован экскурсоводом — полковником в отставке, ныне пенсионером и работником на полставки. Мне в этом плане очень везёт. Я заказал экскурсию, и он, не обращая внимания на то, что рассказывает для одного человека, погрузился в мир истории, фактов, артефактов, картин и документов. Он так воодушевлённо и заинтересованно рассказывал об истории военного флота, что к концу второго часа вокруг нас образовалась маленькая кучка людей. Все увлечённо слушали, задавали вопросы. Экскурсовод так увлёкся, что забыл о времени и о том, что у него какое-то дежурное мероприятие, на котором его ждут. Напоследок мы сфотографировались у памятного якоря.

Вот так для меня Владивосток стал городом чудес и открытий, который начался с семикилометровой просеки, улицы Светланской, городом, который поистине завладел Востоком. Город Беринга и подвига русского матроса с легендарного «Варяга», и победа японцев, равносильная проигрышу, и мужество наших путешественников, открывших новые земли, которыми приросла Россия.

День четвёртый. День молодёжи во Владивостоке.

Утро. Чистое, не измазанное шумом и гамом. Туман над морем погружал в таинственный мир, открывающий на несколько секунд занавес и дарящий простор и первые рассветные эмоции. На набережной Цесаревича ещё тихо и безлюдно, только небольшие группы молодёжи суется около своих стендов. Одни разгружают привезённые стенды и макеты, другие тихо, без суеты раскладывают товар собственного производства, дабы блеснуть своим незаурядным талантом и выручить средства для дальнейшего развития. Куча небольших палаток, выстроенных в ряд, зазывают отведать морской деликатес — гребешок. Здесь и супчики, и пирожки, и шашлычки, и салатик. Бедный гребешок представлен во всём своём многообразии... Символично для просыпающегося утра картина: пустынный пляж и одинокая девушка, калачиком свернувшаяся в такой позе (видимо, йога ещё до этого не дошла), читает толстенную книгу... Начали появляться патрули Росгвардии. В основном молодые девушки в спецформе. Они то

покуривали в сторонке, то проходили мимо стеллажей; прошли и кинологи с собакой. Всё спокойно.

Резкие звуки разбудили чаек и празднующихся по площади и набережной. Некто, рэпер Слива, начал зачитывать свои стихи. Девушки Росгвардии, одиноко стоящие на пустынной площади, оживились, достали сотовые и начали записывать себя на фоне Сливы. Парень, видимо, был какой-то местной суперзвездой пятой или шестой величины. Его наглый голос требовал от режиссёров каких-то только им понятных фишек. Отрепетировав свою программу, он вальяжно покинул сцену, и на набережной вновь повисла тишина. Утро началось с Дня молодёжи.

Покинув будущую тусовочную площадку, я отправился на самую интересную улицу города Владивостока. Мой маршрут пролегал через сквер, в котором был установлен памятник Владимиру Высоцкому. Гениальный человек, поэт, артист, опередивший время и подаривший эмоции. Сразу вспомнил об Екатеринбурге, музее Высоцкого в одноимённой башне.

Улица Адмирала Фокина оказалась пешеходной. В самом её начале можно было наблюдать удивительную картину: обменный пункт на ящиках. Бабушки в старых лохмотьях восседают на ящиках, плохо сколоченных, а вокруг них китайцы, которые меняют юани на рубли и наоборот. Весёлая мозаика: как быстро они конвертируют валюту! Видна сильная советская математическая школа: пачки купюр перетекают из одних рук в другие. Всё это на виду, никто не прячется и не боится последствий, а когда-то за это назначали в суде высшую меру наказания. Каких-то тридцать лет прошло! Интересно было походить по подворотням. В одной из них я попал в частный музей, где можно было увидеть русскую живопись; меня отблагодарили за посещение и вручили внушительную стопку интересных журналов «Русский мир». В завершение улицы брызгал непонятными, хаотичными струями фонтан. А рядом с ним местный чудодел демонстрировал красивые деревянные скульптуры. Такой красоты, изготовленной из цельного куска дерева, я не видывал.

На набережной продолжалась молодёжная тусовка, вблизи маяка парусные лодки красивым строем рассекали залив, создавая благоприятную и благостную феерию морского простора!

Площадь подмели, а на набережной конь не валялся. По дороге встретилось несколько лавок, в которых продавали мороженое «Урса». Само название удивило. Маркетологам пришёл образ созвездий, которые сверкают в северном полушарии, — это Большая и Малая Медведица, мама и медвежонок. По-латински это звучит как *Ursa Major* и *Ursa Minor*. Так родилось название «Урса», а логотипом стали медведица с медвежонком.

И снова краткий обзор моего пребывания: пробежал по улице Адмирала Фокина, побывал в советской столовой, зашёл в краеведческий музей, а затем в музей изобразительного искусства. Побывал на экспозиции табакерок Эрмитажа, в музее Востока на экспозиции Ирана, а также в картинной галерее, часть полотен которой привезена в тридцатые годы прошлого века из Третьяковки, а также увидел современное искусство Кореи; правда, честно говоря, удивился однотипным вещам, не вызывающим эмоций.

Важной деталью в прогулках по городу являются питание и удовлетворение человеческих нужд. Мне вдруг сильно приспичило. Что делать? Бах — туалет. Захожу: чисто, на стенах красивая мозаика, спрашиваю: «Сколько стоит участие?». В ответ: «Бесплатно». Вода течёт, туалетная бумага и салфетки есть, всё освещено, идеально убрано, защёлки работают, дверки закрываются. Сказка!

Чуть позже захотел покушать. Смотрю — столовая, всё как в Советском Союзе. Ручки помыл, поднос в руки взял и пошёл вдоль прилавка: первое, второе, компот трёх видов или чай. Всё чин по чину. Котлетки, порешка, гречка, рыбка жареная, борщ, салатики на выбор, даже винегрет имеется. В общем, с голоду умереть не дали.

Владивосток находится южнее Сочи, но климат здесь далёк от тропического. Пальму и эвкалипт здесь не встретишь, да и море зимой замерзает, поэтому на нём стоят несколько ледоколов. Флора близка к нашей ейской, только запаздывает в своём развитии. Сирень, например, только летом цветёт.

Несколько слов о влажности во Владивостоке. Она стопроцентная. Два дня от рассвета до заката прогулок по улицам и скверам — и две рубашки мокрые, хоть выжимать можно. Разложил для сушки листья смородины, так они остались свежими, будто только сорвали. Постирал носки и нижнее бельё — не высохли, пришлось включать обогреватель и сушить на нём.

И, конечно же, несколько слов о «нашем всём»! Год-то юбилейный. Удалось мне сфотографироваться с А. С. Пушкиным. Памятник необычный, выполнен в удивительном стиле. Поэт как живой, в задумчивой позе с книгой в руках. Рядом театр, названный его именем. На кладбище есть могила родственника, в музее — небольшая открытка того времени, вроде бы принадлежавшая самому поэту. Кажется, что это всё. Александр Сергеевич не бывал в этом городе, и, наверняка, это к лучшему.

А вот дом, в котором жил поэт Асеев, подкачал. Ступеньки убитые, двор зарос травой, даже цитаты из его произведений, выполненные в современном стиле, прочитать нельзя. Всё оформлено так блёкло и несуразно, что диву даёшься: «Как можно было так безалаберно сделать!» Жаль. Поэт мне очень нравится, и в детстве я зачитывался его стихами и поэмами.

О краеведческом музее можно писать много. За последнее время меня поразили два: в Республике Алтай, где нам удалось увидеть останки найденной в этих местах принцессы, и этот — с уникальными находками из бронзы, меди и дерева и дизайнерскими решениями. Музейные работники смогли создать стеллажи с экспонатами, в которых показано, чем торговали купцы и что производили фабриканты и мелкие заводы. Период раскола и революций оформлен в футуристическом стиле. Экспозиция древних находок представлена в интерактивном виде, но каждую можно ещё лицезреть. Большая часть — это изображения, похожие на волшебные из сказок: одна, например, на трёхголового дракона, другая часть — на изображения неземных существ; лица, форма тел — настоящие инопланетяне со страниц журнала.

Владивосток! Чем запомнится этот город? Его атмосферой, памятником Владимиру Высоцкому, на котором высечены вечные слова: «Открой закрытый порт Владивосток», фразой, которая стала слоганом: «Живите Владивостоком, почувствуйте его историю и создавайте свою!», величественными сопками, красивой бухтой, впечатляющими улицами и доброжелательными людьми, храмами и площадями, музеями и выставками...

И напоследок дня на город опустился туман. Я приехал во Владивосток, который был укутан туманом, и уезжаю из туманного города. Удивило внутреннее убранство железнодорожного вокзала, красота архитектуры и росписи, изразцов и напольной мозаики. Это так неповторимо и красиво, что удивляешься тому, как это дошло до наших дней!

Город, который можно записать в актив. Самобытный, с особой историей, укладом жизни, конфигурацией и архитектурой, со своими тараканами и убожеством, но привилегированный и открытый, с красивыми улицами, ландшафтами и привлекательными, притягивающими местами, в которых чувствуешь себя комфортно и уютно. Спасибо, «владеющий Востоком»!

Едем! Мимо меняются морские пейзажи. Солнце то освещает кусок воды, то прячется в облаках, и тут же наплывает дымка, да и цвет воды от этого разукрашивается какими-то нереальными оттенками: от серебристого металлического до жёлто-коричневого песчаного. Этот процесс создаёт множество магических визуализаций. Природную красоту нельзя испортить. Вагон пуст, нас всего человек восемь. Поезд виляет между сопок. Кстати, о них. Город Владивосток стоит на семи сопках, и, как утверждают местные экскурсоводы, все жители города знают их названия. Уж это магическое число семь! Город Москва стоит на семи холмах, правда, я знаю точно только две точки: Воробьевы горы, где стоит университет, и Ленинские горы,

где любил отдыхать Горький. Город Санкт-Петербург построен на семи болотах. Здесь у меня совсем туго — не назову ни одного. Простите.

Давайте попробуем перечислить все сопки, на которых стоит Владивосток.

Итак, первая сопка — Орлиная, считается, что с неё лучший вид на город. Я поднялся на неё и полностью согласен с этой трактовкой. По этой сопке движется фуникулёр; кстати, в России только два таких электрических транспортных средства: одно в Крыму, другое во Владивостоке. Есть сопка Тигровая: исторически так сложилось, что первые переселенцы больше всего боялись тигров, которых специально отпугивал военный корабль, находящийся в бухте и совершающий выстрелы каждый день. Сопка Столовая, но выяснить, где она находится, мне не удалось. Есть сопки Тюменская и Бурачка, так называются местные районы. Имеется сопка Почтовая. Ну и, конечно же, стоит упомянуть Монастырскую и Крестовую сопки.

Едем. С левой стороны по ходу движения в противоположном направлении движутся волны Амура. Река большая, полноводная, вода — вот только цветом своим удивляет, серо-кирпичного оттенка с включениями земляного. Корни деревьев на берегу подмыты, и они держатся на честном слове, дабы не отправиться впласть к морю. По ту сторону реки — чужбина.

Выскочил в Уссурийске на вокзал, думал купить тарелочку или колокольчик, но, увы. Правда, обнаружил перед вокзалом интересный памятник Ленину, больше похожему на корейца в шляпе (да простят меня эти прекрасные люди!), и инсталляцию «Сытый боцман» — фольклорный, толстый и довольный. И, конечно, рядом с вокзалом — мощь начала прошлого века, чёрный как смоль, с красной звездой на рожице тепловоз, олицетворение победы над природой и неприятелем.

Странно, почему такие огромные просторные поля не обрабатываются? Можно же развести поголовье коров, овец, на худой конец, заняться свиноводством, посеять на полях кукурузу, подсолнух, рожь... Всё до горизонта — жёлто-зелёная масса, с редкими вкраплениями несуразных, убогих, неказистых, изломанных деревьев. Такое чувство, что это души грешников, разбросанные по этим бескрайним просторам, доживают свой век.

А поезд змейкой тянется вдоль сопки и реки. Солнце уже склонилось к горизонту. Да и время уже такое, пора заката...

Соседи у меня замечательные появились. Парень, который дембельнулся, девушка с сыном, который как тархтелка рассказывает всё, что знает о компьютерах, программах, железе, и парочка — муж с женой. Вот семейка уникальная: худые, как трости, о таких говорят, что кости и кожа, но вывалили на стол столько еды, что взвод солдат точно можно накормить: большая чашка картошки, тушённой с говядиной, курица, батон чёрного хлеба, чашка с малосольными огурцами, шмат сала и ещё много чего по мелочи. Уверен был, что они и четверти не осилят. Съели всё подчистую. Удивительно, как в эти худые тела всё влезло. Пусть всё это пойдёт им на пользу! Люди-то оказались хорошими. Едем.

4-й день. Всю ночь шарахался. Не мог уснуть. Поезд болтало из стороны в сторону, оставались через каждые 20 минут, люди выходили и заходили. Покоя не было, да думы всякие в голову лезли. Мама плохо себя чувствует, а в последний день состояние и вовсе ухудшилось. Успокаивает лишь то, что рядом с ней брат...

И вот наступило туманное, сырое утро. Едем по Хабаровску. Идёт дождь, и это пока печальная новость. Выполз из поезда. Небо моросит мелкой водяной пылью, тропинка к гостинице лежит мимо каких-то монументальных изваяний. Пёстрые вывески магазинчиков пугают. Названия некоторых магазинчиков и салонов бытового обслуживания отрезвляют. Например, «Преображариум» и слоган «Преобразим вашу красоту». Отлично!

Своё путешествие по Хабаровску я начал от железнодорожного вокзала по Амурскому бульвару. Грандиозный памятник Ерофею Хабарову даже в дождь восхищает. Монументальный, интересный, величественный. Чуть проходим — и на одной из площадок встречаем инсталляцию «Дама с собачкой». И я понял, почему в городе установлено это изваяние. За

время пребывания мне встречались дамы с маленькими и большими собаками, на поводках и без, дамы с двумя собаками и с маленькими детками, замужние с собачкой и с мужем, женщины с сигаретой, девушки в розовых комбинезонах и в белоснежных платьях, свободно прогуливающиеся и сидящие на лавочках. Девочки, девушки, женщины и бабушки с собачками разных размеров, от очень маленьких, карманных, до больших хаски. Дамы с собачками разговаривали по телефону, кричали на своих несмышлёных детей, вели машину, ехали на велосипеде, загорали и пили кофе, танцевали и просто тупо стояли на одном месте. В общем, Хабаровск — город, в котором на каждом углу, площадке, в сквере, на дороге можно увидеть даму с собачкой.

Вчера расстроился тем, что город в полуспячке. Планировал задержаться на два дня, но, как оказалось, в понедельник Хабаровск превращается в бескультурную столицу. Все театры, музеи, выставочные залы в этот день закрыты. Меня поразило, что в воскресный день в городе работал только один театр, и то с труппой из Благовещенска. Это один из минусов. Второй минус — это Амурский бульвар. Если бывший губернатор, ставший министром, будет управлять спортом так же, как выглядит эта улица, то прощай-привет великому достоянию нашей страны. Мощение выдолблено, много поломанных деревьев, какие-то дохлые цветы на клумбах, непонятные, неработающие ларьки, и это при том, что бульвар — визитная карточка города, протянулся от ворот города, железнодорожного вокзала, до набережной имени Невельского.

Грандиозный Амур меня сразил. Красота скромная, река широкая, просторы дальние, воздух благоухающий и свежий. Мне повезло увидеть всё великолепие в двух ипостасях: в проливной дождь и в яркую солнечную погоду. Дождь, морозящий, но не холодный, сопровождал мою прогулку в первый день. С раннего утра и до обеда мне на пути не встретился ни один житель, кроме редко работающих киосков. Всё в основном было закрыто. Первые мне встретились у памятника Муравьёву-Амурскому. Следующие — в краеведческом музее. Об этом уникальном помещении и событии хочется сказать следующее. Меня встретили не очень дружелюбно: я был первым посетителем, разбудившим скучавших сотрудников. Чтобы немного отдохнуть и прийти в себя, я направился в уголок к кофемашине. Она съела мою мелочь, но при этом ничего в ответ не дала. Сотрудники музея только пожали плечами и показали мне номер телефона, по которому я могу связаться с владельцем. Как вы понимаете, номер не отвечал! Настоящий развод в госучреждении!

Музей не отличался какими-то изысками. Много в экспозиции повторяло либо где-то уже виденное, либо традиционное. Отдельно были представлены иллюстрации к сказкам А. С. Пушкина, год-то юбилейный. Часть экспозиции занимали каменные полудрагоценные россыпи и камнерезные работы с Урала.

Прогулка по центру в дождь была прекрасным подарком. Городок чистый, ухоженный, немного скромный, но при этом изысканный и неповторимый со своими купеческими особенностями, выделяющимися на фоне современных стеклобетонных нагромождений. И памятниками, как бриллианты в ожерелье, сияли своей чистотой православные храмы, радуя взгляд блеском маковок и архитектурными формами.

Зашёл в городскую библиотеку, здание старинное, кроваво-красного цвета, кирпичное, с остатками былого величия и техническими новинками начала двадцатого века. Подарком для меня стала книга о первом космонавте мира, Юрии Гагарине.

И снова пестрота и нагота непонятных вывесок, отпугивающих и наглых: «Kongfu Tea», «Сочно», «CoffeХа», «Итальянское мороженое — русский холод»... И среди этого хаоса вдруг — «Мусор в городе, мусор в голове!». Удивительные нестыковки сознания и действительности.

Набережная и мощный поток великой реки на прощание подарили мне массу прекрасных этюдов, запоминающихся отголосками солнца в воде, блеском золочёных куполов, великими

мостами, соединяющими не только берега, но и народы. «Амур вечно несёт широкие мутные воды к синему Северному морю... Амур велик...», — Н. Задоров.

Продолжаем движение. Позади Хабаровск, впереди двое суток пути и «Чита — чи не та».

Так шутит соседка, которая едет в Биробиджан. Мать из репрессированных, умерла 70 лет назад из-за аборта. Строила перевал Кузнецова, а репрессировали её из-за того, что три дня не вышла на работу после родов. Тётя Лена (так представилась соседка) ездила в командировку внуку воспитывать — «пакостливую, которая всё плохое копирует из импортных мультфильмов».

Говорит, что у неё лёгкая нога. Если идёт по рынку, то все торговки ей товар в полцены отдают, так как потом всё мгновенно раскупают. А нынче клубники море, сметана жирная, а ещё ирисы дикие, пучками, как черемша, выложены, колбасы домашнего копчения. В общем, весёлая пассажирка, «бабука или бабуя» — так её внуки называют.

По вагону тянулся смрадный запах дешёвой лапши. И тётя Лена начала рассказывать байки.

«История про арабские духи. Духота в вагоне стояла такая, что каждый запах цеплялся и мучил пассажиров. И в этот момент в вагон вошла импозантная молодая особа, от которой пахло так сильно арабскими духами, что некоторые пассажиры начали закрывать лица шарфами и платками. От этого едкого, раздражающего запаха — то ли сандала, то ли дикой розы — невозможно было спрятаться. Он был везде; помните, как у Александра Сергеевича про дым: «...ну почему я не табак...». Девушка ехала поступать, и все ей в один голос настоятельно рекомендовали не душиться этими духами при походе в приёмную комиссию: не примут».

Поехали. До Читы 2100 километров, расстояние от Ейска до Москвы и обратно. Проехали гигантский мост через Амур, который изображён на 5000 рублёвой купюре. Зрелище, я вам скажу, потрясающее. Не мог отлипнуть от окна, смотрел на Амур, на его красивое, плавное, бесконечное течение, на красоту прибрежной природы: светло-масляничной с оттенками оливкового цвета и изумрудными вкраплениями. Волшебная идиллия ландшафтного природного гармоничного пространства, огромного, безмерного и беззащитного. Острова и протоки украшали беспечный, оголённый Амур. Как же это неприлично красиво!

Оторвавшись от природного полихронизма, заслушался очередной историей. «Имя Яна. Приезжаем на станцию Ин. Моя подруга назвала дочь Яной. Все вокруг ругают её: так, мол, в нашей местности коров называют, а ты самое святое, дочку, так назвала. А она в ответ: «Вы были на реке Яна? Вот увидите её и не только дочь, но и мужа будете так называть». Вот такой вот «Инь-Ян».

Не прошло и пары минут. Глоток горячего чая с печенюшкой, а тётя Лена уже новую байку лепечет. Она, как пулемёт, только не выговаривающий букву «р».

«Наэносимаков. У меня здесь в телефоне всё зашифровано. Никто не понимает, кто мне звонит. Вот, например, почтальон, а это — массажист, к которому я два раза в год хожу, чтобы суставы подлечить. Или вот — автослесарь, это телефон нашей Верочки-секретарши. Она всегда так мозг выносит, как в мастерской двигатель ремонтируют. А это телефон моего сына — Наэносимаков. Его в детстве спрашивали: „Как твоя фамилия?“, а он отвечал: „Наэносимаков“ (перевожу, наверное, Симаков)».

Однотонные пейзажи за окном: огромные неухоженные, но от этого очень чистые и девственные лесные массивы с небольшими холмами, сопками, редкие остановки и неспешное постукивание поездных колёс. Совсем непривычное ощущение мягкости и укачивающего, колыбельно-колебательного покачивания.

Моя попутчица что-то рассказывала, я то отвлекался, то вновь был поглощён её безмерной энергетикой. А она не умолкала.

«Мы жили в раю. Посёлок Талон, бывший женский ГУЛАГ, всё было: и работа, и хорошие люди, доброжелательные и отзывчивые, и здоровое питание, чистейший воздух. Жимо-

лость росла, да такая крупная и сладкая, не то что дальневосточная: только начнёт поспевать, все всё бросают и — за ней, собирать. Нельзя, чтобы больше двух часов она стояла, на поверхности белые личинки появляются, поэтому собрал, промыл и сразу либо перекрутил, либо сахаром засыпал. Руки потом неделю не отмоешь, окрасятся, а волосы специфическим приятным ароматом насыщаются. А смородина и чёрная, и красная, малина крупная, душистая. Брусники столько, что только ленивые ведро собирали. А черёмуха крупнее вишни. Рыбы какой только не было: и красная, и белая, и большая, и маленькая. Икра красная, столько не съешь. Сейчас вспоминаю и себе завидую. А выращивали картофель! Это и работа, и еда, и заработок хороший, на всё хватало. Единственный посёлок на Севере, в котором он рос. Около тысячи гектаров, представляешь? Стада коров огромные! Было чем кормить. А княженика, ягода такая, смесь малины и ежевики. Кустиками небольшими росла, крупная, больше, чем малина, а вкусная и ароматная, что слюнки текут. Соберёшь, а руки потом ещё неделю княженикой пахнут, все от запаха оглядываются. А потом, после 1992 года, всё развалилось на глазах: пустота, разруха, нищета... Сплошные, непроглядные пьянки, убийства, грабежи. Жалко было на всё смотреть. Рассказываю, а из глаз слёзы текут. Всё же было! Всё! Мы жили в раю! И вот рай превратился в ад в мгновение ока! И мы рванули оттуда. Вспоминаем эти райские времена».

Тётя Лена вышла в Биробиджане. Её встретил Утара — так в детстве называл себя её сын Виталик. Когда его спрашивали, он говорил, что его зовут Утара, Виталик — по-нашему.

Вокруг жёлто-белые ковры, украшение местных ландшафтов. Несёмся мимо природного покоя; луга, обрамлённые берёзками и соснами, пейзажи дополняли утончённые, небольшими островками сорочки слёзки — так называют местные жители дикие нарциссы.

Итак, впереди Чита. Едем вдоль сопки, то ныряем в туннели, то медленно по серпантину поднимаемся к одному перевалу, затем к другому. Яркое оранжевое солнце красит горизонт в малиново-клубничные цвета и зовёт нас за собой, а мы, словно под дудочку, повинемся ему и медленно пытаемся его настичь. Сопки то приближаются к нам вплотную, то ветрено разлетаются вдаль. Не угнаться ни за светилом, ни за сопками-птицами.

Поворот сменяется поворотом, но колдовство природы завораживает, и ты, прильнув к экрану-окну, не можешь оторваться от белоснежных островов, улетающих за горизонт, светло-прозрачных сопки, меняющихся и пленяющих своей красотой, и первозданности озёр и заводей, отражающих всё многоголосье природной неги.

Ещё поражают одиноко стоящие деревья: берёзы, ивы, карагачи, осины. Они принимают такие формы, что порой в них можно разглядеть медведя, стоящего на задних лапах, или слона, пьющего воду у небольшого озера. А вот лось с лосихой со своим выводком! Неожиданная картина. А дальше — больше! Любовник с любовницей обнимаются, ведьма мчится на метле... Иллюзии, воображение, природная красота.

И вновь туннель, длинный, долгий, с задержкой дыхания. Вновь выныриваем. Солнце ещё ниже склонилось над горизонтом. Ещё насыщеннее и ярче окрасился небосвод розово-алыми тонами, стал неуклюже пористым, без теней и ошибок.

Появилась дымка, и ярко-зелёные тона посерели, помрачнели, выгорели, сдались.

Даже яркие мощные цветы поблёкли и стали однообразно-бесцветными. На их фоне выделился белоголовник (кстати, хороший медонос) — стоит, как стойкий оловянный солдатик, среди посеревшего чёрно-белого хаоса.

Преодолели перевал и весело, качаясь из стороны в сторону, понеслись вниз за оранжевым мячиком.

На станции Архара наш путеводитель, мигнув кроваво-красным глазом, убежал за горизонт, оставив после себя на небе длинноволновые отголоски. Наступили сумерки. Это когда уже не день, но ещё не ночь, когда цветовая палитра превращается в серо-советскую однообразность, когда небосвод ещё хочет веселиться, а природа приготовилась ко сну. Сумерки

— это короткие мгновенья уходящего дня: мысленно прощаешься с прожитыми счастливыми минутами, вспоминаешь о хорошем, переосмысливаешь настоящее и мечтаешь. Вот кто-то же придумывает названия магазинов, рассказов, мебели, населённых пунктов? Во Владивостоке один магазин назвали «Мечта и водки». Это разве может сочетаться? Или кто-то назвал кровать «Мечтательная». Кровать должна быть спальней. Сумерки — вот это мечтательный миг, когда созерцательные чувства притупляются, а играющий небосвод устремляет ввысь, к первым звёздам.

Станция Буря. Ночь. Наступила пора написать о бытовых условиях в фирменном поезде №1 «Россия» Владивосток — Москва. Новые вагоны оснащены удобными световыми приборами и подзарядками. Имеется душ, работает кондиционер, и ехать вполне комфортно. У меня верхняя боковая полка, брал билет в Хабаровске за сутки, так как решил уменьшить время своего пребывания в этом городе. Едем.

Белогорск. Подъезжая к городу, я замечаю много света. Ночь мгновенно превратилась в светлый день. Огней было так много, что казалось, будто огромный инопланетный корабль приземлился в ночи. Один путь превратился в один миг в немыслимое количество, а составы загромоздили все пути. Их так много, что кажется, все товарищи собрались на сходку в одном месте.

Ещё тьма гиперболизирует пространство и иллюминирует созерцание. Темнота, которую пронизывает наш состав, мосты через огромные реки, пугающие своей мощью и громом, всё это напоминало падение в чёрную дыру.

Магдагачи. Утро наступило с появлением над горизонтом оранжевого солнца. Пейзажи сменились. Ровная бескрайняя поверхность, покрытая лесом. Сосны, пихты, ельники впере­мешку с белоствольными берёзками заняли всё безбрежное пространство. Изредка на нём можно увидеть серебристые облака-островки: это небольшие заводи отражают серое колючее небо.

На перроне традиционный памятник. Дань памяти первым тепловозам, которые пыхтели и делали свою очень важную работу. Всё окутано серо-голубой дымкой, и поэтому кажется ещё более глобальным и грациозным.

По-прежнему золотыми островами в этом уникальном пейзаже являются жёлто-оранжевые цветы, название которых мне не знакомо. Яркие пятна этих красавцев на фоне всех оттенков зелёного украшают одноцветный мир. Едем.

Вернёмся в Хабаровск. Первый музей, который распахнул передо мной двери — это музей Гродекова. Монументальное здание с большими залами. Несколько разных по форме и содержанию экспозиций погружают тебя в атмосферу этих мест. Четыре часа мне потребовалось, чтобы только обойти все залы. По-хорошему, нужно этому культурному насыщению посвятить целый день или разбить погружение в мир природы и истории на несколько дней. Прекрасно оформлены залы живой природы с большими аквариумами и экспозициями в стиле диорамы для полного погружения в действительность. Амурский тигр, медведи, тюлени — всё оживает на твоих глазах. Видимо, это любимое место детишек. Удивил зал, посвящённый малым народам, населяющим эти места. С какой любовью и желанием, рассказами об этих удивительных людях составлена экспозиция! Душа радуется, что мы единый народ России, такой разный и интересный, обогащающий жизнь друг друга.

В соседнем купе дембеля всю ночь знакомились с двумя хабаровскими студентками-первокурсницами. К шести утра один из уволившихся в запас был в очень пьяном состоянии, даже пришлось проводнице его успокаивать.

Ночью подсел вахтовик Аят из Киргизии, возвращающийся домой. Аят с киргизского примерно означает «ангел». Живёт недалеко от Иссык-Куля. Бедно живёт, поэтому и поехал на заработки в Россию, на восток. Радует, что увидит жену, детей, наестся до отвала бешбармака. Жаль, что дембеля его споили.

У Аята семь детей и ещё одного ждут, герой-отец. Правда, он целый час уговаривал молодую девушку стать его второй женой. То ли водка хорошая, то ли вахта трёхмесячная сказала. Азиат приводил главные аргументы, веские и железобетонные: «Ты ничего делать не будешь, только рожать!» Будущая следователь не очень видела себя в роли второй жены, да и для первой она была слишком молода. Покой наступил, когда зелёный змий вырубил влюбчивого киргиза.

Как это ни парадоксально, если русскому человеку 1000 раз сказать «нельзя», то обязательно найдётся один, который решит: если «нельзя», то можно попробовать, а вдруг «можно»? Полчаса в вагоне гудит сигнализация: один «зараза» не выдержал долгого перегона между станциями и проверил, почему в вагоне запрещено курить. Бедные проводницы бегают, не знают, как эту сирену отключить. Ревёт. А мы едем.

Станция Большая Омутная. Пейзажи восхищают взор, мы как ёжики в тумане. Сопки все в белёсой дымке, одна цепляется за другую, и так до горизонта. Картина иллюзии бесконечно парящих лесов, уходящих в небесную сырость. Красота, непередаваемая словами, но эмоции восхищения и полёта потрясающие. Солнце тоже в зенитной дымке, трудится, но свет едва достаёт до земли и пытается осветить проплешины. Тысячи километров растворяющейся тайги. Чем не чудо света?

Станция Могуча. Поезд опоздал минут на десять. Перрон усыпан пассажирами, духота стоит неимоверная. Вокруг горят леса. Вот откуда эта серебристая дымка.

Лес горит и слева, и справа. Его запах чувствуется в вагоне, а чёрные столбы дыма видны из окон. Картина неземного апокалипсиса, только рядом, в нескольких метрах от поезда. У меня новая соседка, малоразговорчивая, сердитая на происходящее местная жительница. Этот год для них выдался сложным: в начале июня ещё здесь трещали морозы, да такие, что вымерзла картошка. Здесь ничего нет: ни работы, ни дорог (одни направления), цены на продукты запредельные. Кто как выживает или уезжает. Раньше хозяйство кормило, а сейчас и его содержать невыгодно, дороже выходит. Ягодой живут люди да грибами. Сейчас собирают жимолость, потом моховка пойдёт, это что-то похожее на крыжовник, но по вкусу отличается. Грибов тоже нет, так как жара палит, а в хорошее время были грузди и маслята, попадаются и рыжики. Ранетка — это такое маленькое яблочко — в этом году тоже вымерзла. Хорошо, что есть теплица. В ней помидоры, огурцы, перец растут. Это немного спасает.

Выяснилось, что оранжевые цветы называют «саранками».

До Читы ехать меньше часа, проехали станцию Новая. Река вдоль дороги, словно живая змея, извивается, шипит. Волны, как чешуйки, переливаются в солнечном свете. Пока её не трогаешь, она спокойная, бежит вдоль лесистых сопки, медленно, размеренно. С другой стороны — поля и степи. Утро! Солнечное, прелестное и умиротворённое начало дня. Едем.

Как-то небрежно разбросаны деревянные домики, будто какой-то неряха уронил шкапулку с бусинами, и они разлетелись в разные стороны: где-то густо, а где-то стоит один в поле с красивыми наличниками, радуется солнечным лучам, нарушая все законы природной неги.

Аята-киргиза после третьей выпитой бутылки «менделеевского напитка» с поезда сняли. Он, правда, надел на себя чистую майку, собрал вещи и покорно последовал за блюстителями порядка. Денег у него осталось мало, поэтому много с него взять у полицейских не получится. Такая вот русско-киргизская дружба или «не нарушайте правопорядок».

Прибыли. Красивый, ухоженный, небольшой железнодорожный вокзал. На привокзальной площади стоит памятник Александру Невскому и большой красивый храм с золотыми куполами. Меня уже ждали коллеги из местного института развития образования. Небольшое знакомство с учреждением — и вперёд!

Дашибал — так зовут моего проводника по Чите, имя означает «Луч света». В читинском дацане нас угостили местными кушаньями. Буузы — это блюдо готовится на пару, и оно напоминает манты, но в фарш не входит лук, только говядина и специи. Буузы имеют тридцать

три защица, столько же жердей у сэргэ — бурятской юрты. Позже я узнал, что в культуре этого народа это число имеет несколько смыслов, но главный — это солнечные часы и календарь. Бурятский суп — это лапша с большим количеством говядины. Очень вкусный, наваристый бульон. Вообще мясо этих мест считается лучшим в мире. Поэтому могу с уверенностью сказать: «Кухня бурят вкусная и сытная!».

Чита, чи не та, чита брита, чита Маргарита... Хорошее впечатление оставил город на берегу реки Читы. Поезд прибыл рано утром. Камера хранения оказалась очень дорогой, пришлось чемодан брать с собой. После чая в институте развития образования и обсуждения клубного движения вручил проректору наш пеликаний символ. Моим провожатым в утренней части стал Даши, молодой открытый парень. Мы направились в дацан. Буддистский храм и буддистский батюшка-лама вызвали у меня особые счастливые эмоции. Место большой силы, спокойствия и умиротворения. О личной встрече с ламой я напишу позже. Дацан выполнен в традиционном стиле, выглядит очень красиво. Территория небольшая: мы три раза обошли её по часовой стрелке, побывали в храме и на молитве у одного монаха. Отведали бурятский суп и буузы — местные манты. Буузы имеют тридцать три полоски-защица на макушке, столько же жердей на бурятской юрте. Это своеобразный часовой круг, солнечные и звёздные часы. По-моему, повторяюсь! Но хочется ещё и ещё раз сказать об этом. Повторение — мать учения!

Чита — это декабристы, острог, гражданская война, Забайкалье... Такими островками украшена мозаика, рассказывающая об истории этого города. По дороге мы встречали удивительные исторические морщины: современные стройные многоэтажные огромные дома, а рядом — одноэтажные, покосившиеся, со съехавшей набок крышей и перекошенными ставнями деревянные, по-доброму красивые и тёплые хатки. Хотелось дотронуться до чёрно-коричневого, обугленного временем и солнцем дерева и почувствовать его энергию... На одном стареньком домике красовалась фраза: «Улыбайтесь, мир прекрасен!». Настоящая правда жизни!

Храм, который посещали декабристы, сохранился. Деревянный, построенный по всем канонам православия, в настоящее время он является культовым музеем. Рядом разбросаны домики, в которых проживали жёны ссыльных революционеров. Они особым образом выделяются на фоне остальной архитектурной мозаики.

«Будьте светом для самих себя», — Будда. Этой цитатой встретил меня читинский дацан. Впервые в жизни я попал в уникальное пространство неизвестной для меня культуры. Стильные и необычные формы строений, тишина и умиротворение в залах и на территории, неспешная и при этом какая-то очень стремительная энергетика, которая нитями пронзала всё моё сознание.

Нас пригласил в свою резиденцию и принял лама. Учитывая его жёсткий график, непрерывные встречи, помощь людям, сбор гуманитарной помощи и выезды на передовую, это было счастьем. Какой светлый, разумный, обстоятельный человек, так и хочется сказать «батюшка». Мы беседовали на разные темы, коснулись сокровенного: жизни и смерти, счастья и горя. Получил ли я ответы на важные для каждого человека вопросы? Скорее всего, стал более уверенным в своих мироощущениях и предпочтениях.

После этой встречи стало немного проще смотреть на окружающую действительность. Лама постоянно на передовой: привозит помощь и даёт советы. И самое главное — неважно, какой ты веры, религиозности и статуса. Мы все едины и уязвимы одинаково. Надо верить в своих родных, доверять и любить близких, помогать им, жить для них...

В краеведческом музее удалось узнать об истории этого дальневосточного города. Сколько хорошего для становления Читы сделали декабристы! Образованные люди смогли создать много уникального «контента», как сказали бы сейчас. Описали флору и фауну, собрали много интересного о местных народностях и их обычаях, составили карты...

Музей подарил мне и несколько открытий. Так, в реальности нам показали юрту с тридцатью тремя жердями: как вы помните — это своеобразный календарь бурят. В экспозиции мы увидели набор из металлических зеркал, интересной формы солнцезащитные очки и деревянный велосипед. Много плакатов времён Первой мировой войны. Интересные лозунги и призывы: «Война до победы!», «Помогите увечным войнам!», «За святое дело!», «Всё для войны!»...

Не осталось без моего внимания и начало советского времени, и главный лозунг: «Поезд идёт от социализма к коммунизму». Видимо, где-то застрял в пробке и надолго.

Итак, город Чита, «да будет владением Российской империи», как когда-то произнёс цесаревич, приоткрывает занавес тайн, а мы делаем открытия.

Ещё одной интересной страничкой стало посещение музея геологии. Во-первых, я узнал, что моим тайным талисманом является камень сердолик; в простонародье его ещё почему-то называют авантюрином. Во-вторых, какие чудные названия придумывали геологи камням: «чароит», «каменный мох», «водопад», «чёрная роза», «загадочные иероглифы», «сферолиты», «ёжики».

Прогулка по городу удалась. «История маленькой Читы была историей всей России», — как говаривал Пётр Кропоткин. Ухоженный центр с большой площадью, филармония и театр, интересный кинотеатр «Удокан», продуктовые магазины «Улётовский хлеб — всему голова», цветочные ларьки «Любовь не нуждается в поводах, как и букет, напомним о ваших чувствах», Дом офицеров, парк Жуковского с интересными памятниками и инсталляциями, детские художественные работы, украшающие скверы и посвящённые дню рождения города.

В завершение удивительный и неповторимый закат: солнце в паутине проводов, окутанное технологическими изоляторами и линиями электропередач, плавно ушло за горизонт. Реализм, воплощённый модернизмом. Прощай, Чита, удивительный город с потрясающими людьми и историей! И снова в дорогу!

Прибыл рано утром в Улан-Удэ. Сдал чемодан в багаж и побежал смотреть окрестности. Площадь перед железнодорожным вокзалом была заполнена новобранцами. Их было так много, что казалось, нет ни одного свободного места.

Красивый храм — Свято-Николаевская железнодорожная церковь, окрашенная в ярко-жёлтый цвет, радовал утренним убранством. Начиналась служба. Рядом интересная выставка железнодорожной техники и портреты героев этого нелёгкого труда.

Памятник Ленину на фоне покосившихся заколоченных деревянных домов из далёкого прошлого смотрелся сюрреалистично. Вокруг всё было усыпано золочёными цветами сурепки. Смотрелось это празднично, но на городское убранство дикорастущая трава мало походила. Впрочем, как и современные многоэтажки рядом с домиками начала прошлого века — деревянными, почерневшими от времени, со ставнями, покосившимися крылечками и печным отоплением, ухитрившимися сохранить свою самобытность и оригинальность.

По дороге встретил несколько рекламных щитов типа «ЛДПР за Бурятию, ЛДПР за тебя!», видимо, началась очередная предвыборная гонка. Быстро дошёл до центра и на главной площади лицезрел её — голову Ильича, которую впервые увидел на почтовых марках. Семьдесят семь тонн — масса этого памятника.

Центр города по-своему хорош: чист, опрятен, много цветущих клумб, несколько инсталляций. Особенно интересным был зелёный рояль с огромной надписью для непонятливых: «Уважаемые горожане! Место на рояле и под роялем уже занято!»

Здесь мы встретились с Леной, девушкой, которая блистала на конкурсе «Учитель года» в Волгограде, где мы впервые и познакомились. Она повела меня в местное кафе, в котором накормила вкуснейшим шуломом — это такой суп с говядиной и домашней лапшой.

Прошли по пешеходной части улицы Ленина (трудно себе представить областной или региональный центр без такой улицы). Названия она меняла, как непостоянные девушки свою

фамилию: Трактовая, Большая, Большая Николаевская и, наконец, Ленина. Памятник Антону Чехову притаился около домика зажиточного горожанина: «Верхнеудинск (старое название Улан-Удэ) — маленький городок», — написал как-то великий творец короткой прозы.

А далее мы отправились на сопку Лысая, в дацан.

Это место можно точно назвать энергетически насыщенной точкой на карте нашей страны. Обширное пространство, которое находится на сопке и как будто летит в пространстве и времени. Только последнее здесь остановилось. Мы переходили от одного символа к другому, смотрели вдаль и слышали жужжание насекомых и стрекотание цикад; воздух оглушали ароматы степных трав: сильного зверобоя, успокаивающего чабреца, дикой ромашки, стройного иван-чая, горьковато-сладкой полыни, белоснежного тысячелистника... Мир затаился и хотел всей своей душой обогреть нас лучами ласкового солнца и умиротворения! Волшебные пейзажи, гибкие своды дацана, тихая работа монахов, нежно-скрипучие звуки от барабанов, которые, словно движение Вселенной, выполняли просьбы страждущих.

Всю дорогу вокруг дацана нас сопровождал кот. Он то появлялся, то исчезал. В это время со мной в мыслях, в видениях была мама, мой главный и верный друг. Она была далеко от меня физически и рядом со мной духовно. Она уходила к Богу, тихо, спокойно, в надежде обрести ощущение встречи с родными и близкими, которые покинули нашу бrenную землю...

Мы подошли к беседке года Кабана, по календарю — это и мой год. «В этом благословенном месте есть возможность избавить свой ум от сомнений и метаний, достичь спокойствия и гармонии».

В дацане хранятся самые большие чётки.

Уже на выходе увидел удивительные и точные цитаты: «Если мысли благие, то положение и „путь“ хорошие. Если мысли не благие, то положение и „путь“ плохие. Поскольку всё происходит от чистоты мысли, постоянно практикуй благое мышление», «Нет зла страшнее ненависти, и нет подвижничества превыше терпения».

Так пробежал день, и, уставшие от пешеходной прогулки и сделав огромный круг по городу, мы вернулись на пустынный железнодорожный вокзал. Впереди Байкал!

Вечером соседки по купе рассказали, что в одном из посёлков с интересным названием Могучая за один день похоронили 8 парней; интервал между прощаниями с ушедшими был меньше часа. Трагедия для родителей.

Из Улан-Удэ я выехал на поезде до Байкальска. Первый прицепной вагон оказался с сидячими местами, кипятком, биотуалетами и плохой вентиляцией. Через десять минут поездки футболка была мокрой (она так и не высохла за всё время пребывания на Байкале). Компенсировала все неудобства картина за окном: Саяны, плывущие в облаках, жёлтые бескрайние поля и лучезарный, бурханящий, просящий пощады и какой-то обиженный Байкал. Чуть позже я понял это чувство, которое было пропитано на всём протяжении пребывания в этих местах. Я прильнул к зрелищу за большим окном поезда и оторваться от этих прекрасных видов не мог до конца. Сопки, уходящие за горизонт, идеальная гладь воды, изредка нарушаемая лодками с рыбаками, и даль, украшенная разными по форме и цветам облаками. Всё это не походило ни на одну виденную ранее картину. Хотелось взять холст и кисти, но, увы, рисовать и тем более писать картины я не умею.

Поезд плавно перемещался вдоль берега Байкала. Солнце стояло так низко, что отблески водной глади слепили глаза. Обезображенный берегоукрепительными бетонными глыбами, царь-озеро сдалось под натиском человеческого безумия. Раны от бездарного людского самостроя стали увечьями на незащищённом природном ландшафте. Байкал! Величественный, чистый, нежно-бирюзовый, с оттенками золотого и лилово-красного, украшенный ожерельями сопки с изумрудно-оливковыми смешанными лесами, спокойный и умиротворённый, немного грустный и печальный — и от этого кажущийся больным и обескровленным. Это Байкал!

Начали рождаться сами по себе легенды об этом удивительном озере и его обитателях. Делюсь!

Легенда 1. О чёрной нерпе. На берегу Байкала стояла жаркая летняя погода. Участников межрегиональной экспедиции зной загонял в холодные воды могучего озера. Угольно-чёрная нерпа наблюдала за происходящим и особенно ярых запоминала. А когда наступала ночь и тяжёлый день валил с ног юных исследователей, чёрная нерпа приходила к ним и не давала уснуть: смешила, болтала, играла, звучала, орала и так продолжалось до первых лучей солнца, до утра, пока с берега Байкала не доносилось бурхание: «Доброе, доброе, доброе...» Наступало время Нордаровича. («Бурханить» — задабривать местных духов, чтобы они были благосклонны к путешественникам. Владимир Нодарович Головнер — учитель химии из Москвы, организатор межрегионального экологического движения).

Легенда 2. О духах Байкала. Однажды у новосибирского хана Саныча Сана заболела красавица дочь Адюл. Хворь забирала девушку не по дням, а с каждым бурханием Байкала. Тогда Саныч Сан обратился к великому шаману Нордару за помощью. Согласился шаман пошаманить, похимичить и излечить красавицу Адюл, но с одним условием. Шаман, увидев девушку, в мгновение влюбился в неё, поэтому попросил после полного выздоровления отдать её за него замуж. Хан был в отчаянии и клятвенно пообещал выполнить требование Нордара. И начал шаман химичить да шаманить и вылечил Адюл. Прошло полгода, и хану нужно было выполнить условие молодого шамана. Саныч Сан не хотел делать этого и послал своих воинов убить Нордара. Но влюблённая в своего спасителя Адюл опередила убийц и предупредила шамана. Он взял её за руки, и они поднялись высоко в горы, превратившись в белых духов, которые теперь каждый день радуют нас своим великолепием и охраняют горы от злых, нечестных людей. (Сан Саныч Буханистов — легенда экспедиционного движения, учитель биологии из Новосибирской области).

Легенда 3. О Байкале. Встретились две красавицы, Марина и Галина, на берегу великого большого озера, которое все считали главным чудом Земли. Посмотрели они одним глазом на него, потом вторым и хором произнесли: «Байка всё это!». А скалистые горы эхом отразили: «Байка, байка, байка...» А местные чайки подхватили: «Байкал, Байкал, Байкал...»

Легенда 4. Об омуле. Было это так давно, что и Байкал был глубже, и человек не владел ни электричеством, ни цифрами. Сидели и бурханили на берегу два дива — Ом и Нуль. Так за большим делом возник у них спор, как назвать ту рыбу, которая кишит у каждой реки и не даёт покоя местным жителям, мешает спать, есть, пить. И тогда первое диво предложило назвать эту прекрасную рыбу Ом, второе диво возразило и требовало назвать рыбу Нуль. Так они разругались, что небо не выдержало и стукнуло их молнией, а рыба, вынырнув из воды, сказала, что пусть её зовут в честь этих див — Омуть. Так и порешили.

Легенда 5. О горах и сопках. Жили в этих краях два брата-близнеца. Одного звали Саян, и он был зелёный, как Шрек. Второго называли Янгул, и он был белее детёныша нерпы. Саян был добрым и отзывчивым, Янгул — злым, завистливым и с чудовищным характером. Попросил их отец-гора охранять чудесный источник живительной воды — Байкал, но запретил пить из него, так как вода прибавляла силу в десять раз, а массу увеличивала в миллион раз. Янгул был щуплым, мелким и, вопреки запрету отца-горы, испил воду из озера. Увеличилась его масса, начал он погружаться в землю и ушёл с головой; остались только его белые пальцы, которые торчат из сопки, а народ называет их теперь «белыцы». Саян заплакал от горя, лёг около брата, и слёзы сотнями ручьёв потекли в Байкал. Говорят, он до сих пор тоскует по своему брату.

Байкал. Поезд плавно огибал это чудо природы. Вода казалась зеркальной, а окаймляющие сопки — какими-то изумрудами на его прекрасной шее. Нарушала всю эту чрезвычайно утончённую гармонию разбросанная и заваленная мусором и нелепыми строениями людская рука. Человеческая деятельность на берегу стала болью этого грандиозного природного объекта. Безумное строительство, какое-то бесчисленное количество разбитых грунтовых дорог,

бетонные, окованные берега — вот что причиняет боль Байкалу, вот чем он обижен на нас. Было страшно смотреть на эти нелепые уродливые строения, больше напоминающие футуристические нагромождения хлама, свезённого в одно место, хаос около жемчужины и короля природы. Несочетаемое величие Байкала с бездарной человеческой сущностью.

Железнодорожная станция Байкальска преподнесла сюрприз: она была короткой, пришлось с чемоданом тащиться через шесть вагонов, чтобы выйти из поезда.

Встретила меня Оля Кондратьева, мы с ней в 2000 году познакомились на конкурсе «Учитель года России» в Москве. С тех пор прошло много времени, утекло много воды, но связь мы так и не потеряли. Первым делом отправились на берег озера. Это место принято называть Ворота Байкала. Как же красив король озёр! В вечерней программе значились: 1. Загадывание желания в ухо Байкала. 2. Купание ног в водах. 3. Фотографирование -надцати видов клубники — символа города. 4. Прекрасный и неповторимый закат, волшебство, которое не передать словами.

Зеркально-чистое озеро отражает всю прелесть небесного свода, преображая её и добавляя бирюзовые, салатные, розовые, малиновые тона. Это был вкусный многослойный фруктовый пирог с сотнями воздушно-небесных и солнечных начинок. Каждая — со своим вкусом, цветом и запахом! Хочется попробовать кусочек целиком, наслаждаясь ароматами и оттенками. Картина менялась каждую секунду: то добавлялись оттенки, то сглаживались цвета, то ретушировалось и штриховалось отражение, то вдруг всё переворачивалось с ног на голову, и начиналось то, что местные жители называют «бурханить».

Легенда о Ганнибале. В далёкие-предалёкие времена дедушку Александра Сергеевича Пушкина, арапа Петра Великого, сослали за чудную провинность на китайскую границу. Путь от столицы пролегал через озеро Байкал. Когда слуга царя увидел это грандиозное природное создание, он добавил к своему имени слово «Ганнибал». В переводе с буддийского языка оно означает: «Ганни» — сын моря, «бал» — луч. Вот так, благодаря своему дедушке, Александр Сергеевич стал лучом в тёмном царстве и внуком моря — Байкала. А местные экскурсоводы могут увидеть Пушкина, присмотревшись к Владимиру Нодаровичу! Ага, чем не Ганнибал?!

Первое открытие — это пресная, чистая, кристальная вода батюшки-озера. Пить «аш-два-о» из Байкала нельзя: она дистиллированная. Я удивился, когда увидел автоматы для разлива воды с дополнительной кнопкой, на которой было написано «соль». То есть, чтобы употребить местную воду, в неё обязательно нужно добавлять крупинки поваренной соли или какую-нибудь соду, в которой есть кальций, ну и другие химические элементы, необходимые нашему организму. Иначе, посмотришь на местных жителей старше 40 лет, они все беззубые, торчат изо рта два-три зуба, а где остальные? Байкальская вода вымывает кальций из организма. Вот такая чистейшая, прозрачайшая вода, но не здоровая.

А поздно вечером мы отведали местные деликатесы из омуля с диковинными названиями. Эта рыба запрещена к вылову и занесена в местную Красную книгу. Только избранным артелям выдают квоты на небольшой её отлов. Правда, в магазинах, ларьках, на рынках у частников её столько продают, что понятно одно: никто законы не выполняет. Скоро омуля и вовсе не будет. Но перейдём от грустного к гастрономическому. Нам принесли свежего, нарезанного тонкими ломтиками, заправленного специями и лучком омуля со свежей варёной молодой картошечкой. Ребята, это так вкусно! С одной стороны, очень простое блюдо, без изысков, без поварского современного кулинарного футуризма. С другой стороны, ничего лишнего, гармония вкусов природы Байкала — оторваться было невозможно. Омуль на мангале оказался абсолютно с другим вкусом, но не менее впечатляющими эмоциями. Всё просто, но гениально! Третье блюдо содержало в себе драники и, как, наверняка, вы уже догадались, омуля свежего посола. И это было третье гастрономическое открытие. Как говорит один шеф: «Если вкусно, то вкусно!»

Рано утром, когда небо плакало моросью и сопки были покрыты тонкой, чуть прозрачной вуалью, я отправился на Соболиную гору в надежде найти природную негу и нетронутую красоту. Увы, все ближайшие окрестности напоминали технический апокалипсис. Округа была либо перерыта, либо завалена стройматериалами, либо изъезжена тяжёлой техникой, оставившей глубокие чёрные неровные раны.

Шагая по тропинке, ведущей к горе, я увидел девчонок, которые прятались в траве. Показалось, что они сошли с дорожки, чтобы удовлетворить свои естественные надобности, но оказалось, что юные особы собирают клубнику. Пригляделся: её было много, она подставляла свои красные бока солнцу, которое пыталось выглянуть из-за облаков. Присел на корточки и я. Вкусная, сочная, с необычным ароматом лесная ягода утолила жажду и внесла в сумрачные пейзажи немного оптимизма.

Подъём на гору был несложным, но ничего интересного и красочного я не усмотрел. Байкал был как на ладони, но линии электропередачи, фуникулёр, разбросанные домики вносили в пейзаж толику конструктивизма, портящую естество и природную харизму этого места.

День восьмой. Рано утром, когда горы вокруг Байкала были укутаны облаками, а сам король озёр ещё спал, мы выехали в сторону заповедной Бурятии. Дорога шла вдоль водной глади, и можно было наблюдать за всем безрассудством жизнедеятельности человека. Хлам и бездарное хаотическое строительство обезобразили жемчужину. Было странно наблюдать за бессмысленными тратами человеческих ресурсов на строительство берегоукреплений, мостов и мостиков, от которых мать-природа периодически избавляется. Последнее гигантское наводнение унесло более сотни мостов и домов, очистило несколько километров байкальского берега: страшно было всем, погибли люди. Но это единственный способ напомнить всем нам, человечеству, что мы не хозяева на этой земле, а в лучшем случае сожители или незваные гости, и ведём себя хамовато, захватнически, что мать-природа не всегда одобряет.

После преодоления перевала мы начали перемещаться между двумя хребтами Восточных Саян. Зрелище привлекательное: мы встретили табуны лошадей, из-за которых периодически приходилось притормаживать, чтобы объехать самых активных. Часть лошадок оккупировала автобусные остановки, и складывалось впечатление, что в этих местах ходит особый транспорт, который перевозит парнокопытных.

Жёлто-пёстрые поля были огорожены заборами, и первоначально на ум приходила лишь одна идея, для чего это было сделано: чтобы эту бездонную красоту никто не украл! Но позже стало понятно, что это практическая необходимость и защита от пришлых коров и лошадок.

Ещё одной интересной достопримечательностью этих мест стали бурундуки, которые радовали своей активностью. Зверьки чем-то напоминали белок, но по размерам были в три-пять раз мельче. Хвосты пушистые, песчаного цвета. Они то замирали, то начинали бежать параллельно автобусу, пытаясь его обогнать. В общем, если бы не десятки подавленных колёсами животных, можно было бы радоваться этому обстоятельству.

Остановились мы по приказу каких-то человечков в зелёных одеждах. Оказалось, что мы пересекаем границу заказника и нужно заплатить мзду. Хорошо, что большая часть пассажиров нашего автобуса были дети и федеральные льготники: нас пропустили бесплатно, выписав бумагу, которая позволяла нам беспрепятственно посещать все объекты в этой зоне.

В посёлке Же Мчуг (я так и не узнал, как переводится с местного диалекта название этого населённого пункта) нас ожидали два источника минеральной воды: метановый и сероводородный. Правда, попасть в них было не так просто: нужно было отстоять очередь и иметь с собой плавательные принадлежности. Так как стоять в жару в ожидании не очень хотелось, мы пошли гулять. Первым объектом на нашем пути стала река Иркут. Красивый песчаный берег, с серым мелким песком и корягами — остатками от весеннего половодья — позволил нам насладиться красотой сибирской реки с большим количеством небольших островов, перекатов и порогов.

Местный рынок не отличался особенным колоритом. Пожалуй, самыми запоминающимися были вывески, в которых предлагались разные народные средства лечения: от массажа на балконе до иглоукалывания на батуте. Народу же в этом грязном, неухоженном месте было не меньше, чем на сочинских пляжах. Нам удалось попасть в небольшое кафе, где для нас сварили зутарансай — бурятский чай. На его приготовление ушло минут пятнадцать-двадцать. Вкус нам понравился. В состав входили лесные травы, ячмень, рожь, молоко, соль и специи. Этот напиток больше напоминал отдельное питательное блюдо. С купленной незадолго до этого бурятской лепёшкой чай стал отменным лакомством. Испортил всё впечатление сероводородный запах, который на долгое время оставил неприятное, но лечебное послевкусие.

Мы постепенно поднимались всё выше и выше над уровнем моря. Если Байкал находится на высоте 400 метров, то посёлок Аршан, в который мы ехали, — на высоте 900 метров. Саяны становились могучее, давили своей массой. Очертания ледников походили на картинки из современных комиксов: что-то непонятное, как растёкшееся молоко по тёмно-зелёному полотну. По дороге мы видели места поклонения шаманов и буддийские дацаны.

Такое столпотворение людей можно увидеть в пик курортного сезона в Крыму или где-нибудь в «большом Сочи». Последний раз такой людской поток был на Невском проспекте до пандемии, когда город наводнили туристы из Китая. Огромный километровый рынок с монгольскими, китайскими товарами и насыпанными навалом травами и сушёными ягодами был нанизан на людской поток, который цепью двигался с левой стороны вниз, а с правой — вверх. Корейское мороженое, свежеизготовленная колбаса из конины, переносной гараж из Монголии, вяленая клюква, пояса из шерсти — список можно расширять и повторять через каждые пятнадцать метров. И удивительным образом в это однообразие втиснулся источник оздоравливающей воды. Небольшая лужица была со всех сторон украшена разноцветными лентами, рядом находилась статуя Будды. Десятки человек вокруг лужицы ловили пузырьки, которые поднимались со дна, протирали больные места, омывали свои «зеркала». Зрелище, скажу я вам, то ещё. Но я, как истинный верующий во все всеспасительные процедуры, омыл глаза сероводородной водицей и ощутил на себе все её лечебные качества и ароматы.

Тропа вела к водопаду вдоль реки с белоснежными берегами. Эту красоту обеспечивали скальные породы и камни из кварцитов и калыцитов — цвета новой жизни, свежести и безупречности. Но море народа портило всю идиллию. Добавляло отрицательных эмоций в эту природную картину насилие человека: всевозможные тарзанки, деревянные лестницы над рекой, тросы и канаты. Водопад не произвёл впечатления. На каждом камне до него сидело по три-четыре человека, кто-то окунал свои тела в лазурную воду, кому-то пришла идея в голову позагорать... Картина маслом! С тропы природы мы попали на бездорожье людского эгоизма. На природный заказник это место не походило ни на один процент. При этом входной билет стоил не меньше двух сотен. Расстроился, но не опустил руки и полез дальше по тропе, по которой остальные ходить не будут. Она заставила меня включить все четыре конечности, но результат превзошёл все мои ожидания. Я забрался на вершину, с которой была видна долина реки и всё пространство между двумя хребтами Восточных Саян. Обернувшись в другую сторону, я обомлел от красоты гор, ледников. Правда, не обошлось без курьёзного момента. Эти места называют в народе центрами силы. Здесь можно поправить здоровье, зачать ребёнка, если долго не получалось, решить другие проблемы, связанные с сознанием. Вот люди сюда и приезжают. Предполагал, что на вершине я один. Фотографирую, взбираюсь на скалы и от жары томно дышу. Возраст, да и гора, скажу я вам, дали возможность подключить все физические резервы. Слышу, где-то недалеко, такое же придыхание: «А, а, а...». Сначала подумал, что это такое эхо. А после увидел на соседней скале молодую парочку. Видимо, они решали какие-то свои наболевшие проблемы. Дабы им не мешать, я тихонечко ретировался. По дороге с горы обнаружил заросли чабреца, не устоял и немного для зимнего чая собрал. Думаю, что местные звери мне это простят.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.